

• В творческой лаборатории

Судьбы, характеры, роли

Юрий Андреевич Платонов появился на воронежской сцене почти 20 лет назад, накануне того памятного сезона, когда театр привез в Москву «Алексея Кольцова» В. Кораблинова. Шумная и заслуженная похвала, выпавшая на долю этого удивительно песенного спектакля, слегка приглушила резонанс, который имели «Виряне» Л. Сейфуллиной и «Иван Буданцев» В. Лаврентьева, также показанные на гастролях в столице. А между тем в этих работах театр было не только много яркого, самобытного, интересного (достаточно сказать, что в обоих спектаклях главные роли играл народный артист СССР С. И. Папов), но и поучительного. Обращала на себя внимание смелость и подчеркнутая решительность, с которыми Ф. Е. Шишгин, возглавлявший театр в то время, поручал ответственные роли молодым.

Молодые дебютанты, разнообразно показавших себя в Москве и прекрасно вписавшихся в ансамбль мастеров воронежской сцены, был и Юрий Платонов. Всего за год до этого Ф. Е. Шишгин увидел его в выпускных спектаклях училища имени Щепкина и пригласил в Воронеж. И вот за плечами актера уже девятнадцать сезонов и более восьмидесяти работ.

...Мы сидим в уютной квартире Юрия Андреевича, где на стенах теснятся автопортреты хозяйина в различных ролях. Он вспоминает, как, выдержав совершенно невероятный конкурс (что-то около 140 человек на одно место!), был зачислен в класс профессора Веры Николаевны Пашенной. Уже тогда, в училище имени Щепкина, опытные педагоги обратили внимание на главную черту дарования юноши — его умение воплощать характеры разные, зачастую полярные по сути и по форме.

Завидная внешность: волевое, сосредоточенное лицо, глаза, излучающие серьезность, мягкий, низкий голос, высокий рост и статная фигура — все это, казалось, определило положение Ю. Платонова в театре имени Алексея Кольцова как исполнителя ролей героического характера. Поначалу так оно и было. Характерные роли встречались не часто. Больше играл людей молодых, мужественных, ищущих. Многие зрители до сих пор помнят его Виктора из «Варшавской мелодии» Л. Зорина. Однако уже в этой определенно удачной работе чувствовалось, что в ролях подобного плана Ю. Платонову все-таки «тесновато».

Археолог Алексей Бокарев в «Марии» А. Салынского был сырав, корректно и... скучно. Родольф в инсценировке романа Г. Флобера «Мадам Бовари» и вовсе не получился. Плакатная героиня увлекла все меньше. Усиливалось желание постигнуть внутренний мир сильной и незаурядной личности, создать характер, наделенный

волей, интеллектом, всепоглощающей убежденностью. Вскоре такая возможность представилась. К 90-летию Г. М. Димитрова театр поставил пьесу болгарского драматурга И. Радоева «Красное и коричневое».

...Апрель 1933 года. Лейпциг. Мрачный зал заседаний имперского суда. Группа нацистов, напоминающая свору рассвирепевших хищников. Во главе ее первичающий Герман Геринг. И против всей этой злобной камарильи — спокойный человек. Это Георгий Дмитриев. В лицо нацистам он бросает слова, исполненные достоинства и глубокого убеждения:

— Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист. Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь. Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения.

Этой сценой лейпцигского процесса начинался спектакль. Точно выверенная режиссура В. Соловьева и верно прочитанная Ю. Платоновым главная роль сделали спектакль явлением примечательным.

Перед актером стояла трудная задача. Драматургический материал звал к «трибунности», к мажорно-публицистическому толкованию центрального образа. Ю. Платонов отказался от такой трактовки, сумев подняться в роли до крупных обобщений. Его Дмитриев не подубог, которому ничего не страшно, а человек с подорванным здоровьем. Рядом с ним нет ни единомышленников, ни родных и близких. Одни враги. Где-то далеко, в Болгарии, ждет не дожидаясь сына мать. Надо жить, бороться. Иного пути нет. И обвиняемый находит в себе силы, чтобы превратиться в обвинителя.

Подлинность крупного человеческого характера революционера-бойца — главное достижение актера в этой роли, ставшей его большой творческой удачей. Пожалуй, впервые ему пришлось встретиться со столь ярко выраженной социальной и психологической определенностью характера.

После этой работы тема гуманизма, справедливости, воинствующего добра сделалась едва ли не определяющей в творчестве артиста. Бережно пронес он ее сквозь роль Клеона, главного героя Эфеса («...Забить Герострата» Гр. Горина), удивительно светло раскрыл эту тему и в следующей своей работе — роли старшины Желтых в инсценировке повести В. Быкова «Третий ракета». Обычно жестокосердый и резкий, в роли Желтых актер был нежен, душевно шедр, внутренне спокоен. Умение ощутить скромные радости, которыми живет его герой, пронизывало игру Ю. Платонова до самой последней сцены, где тихая и задумчивая песня Желтых внезапно обрывалась на высокой и чистой ноте.

Грустный, неуклюжий, несколько домашний и смешной в приплюснутой пилотке, Желтых командует артиллерийским расчетом с обстоятельностью пахаря и степенностью главы большого семейства. Он деликатен и уважителен, но цену людям знает точно. Нелегко Желтых на войне. И годы немолдые, и мысли все время там, на Кубани, в семье. С юмором, успешно рассказывает Ю. Платонов о человеке, который ненавидит войну, но воюет бесстрашно и самоотверженно. В минуту тревоги, обычно медлительный и осторожный, Желтых мгновенно преобразуется. Его стремление — поразить, разгромить, уничтожить врага. Гибнет он, так и не дождавшись встречи с родней, не дождавшись победы, о которой мечтал. Но гибель его заставляет расчет еще яростнее сражаться на поле брани...

Дарование актера многогранно и разнообразно. И это позволяет ему создавать образы совсем иного плана. Наблюдательный мастер в последние годы «вылепил» ряд характеров, которые отличаются резкой, почти гротесковой сатирической направленностью и большой сценической смелостью:

Удивительно свободна и органична игра Ю. Платонова в спектакле «На дне» М. Горького (режиссер Г. Дроздов). Цинизм и равнодушие, душевную неподвижность и заземленность Бубнова он обождал в любой момент жизни на сцене — будь то почти безмолвное сидение на нарах, пьяный разгул или заразительная игра в шашки. Крупный характер, созданный артистом, еще рельефнее высвечивал глухую безрассветность мира, где каждый сам по себе, где никому нет дела ни до себя, ни до другого.

Удачливого проходимца Бурова («Родственники» Э. Брагинского и Э. Рязанова) Ю. Платонов заклеил и развенчал вместе с его рептильной мешанской философией. К купцу Микичу («Ханума» А. Цагарели) артист был снисходительнее. Он высмеивал его спесь, желание породниться с князем, пустым и ничтожным гулякой. Артист не ходил по сцене, он летал с раскинутыми, как в лезгинке руками и развеваяющимися, будто крылья, руками черески. Так же, как и в роли Бурова, Ю. Платонов издевался над ограниченностью и душевной слепотой купца, над его неуменем отличать бриллиант от стекляшки.

Юрий Платонов в самом расцвете своего таланта. Чувство правды, тонкая наблюдательность, исключительно ответственное отношение к своему призванию, как и прежде, надежно служат ему, увлекают зрителя. Путь актера продолжается. И нет на этом пути ни остановок, ни долгих привалов.

Б. ТАБАЧНИКОВ.